

Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. Сб. ст. о русской революции. М., 1990. С. 235–245.

Струве П. Б. Революция и контрреволюция // Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции : в 3 ч. Гомель, 1993. Ч. 3. С. 31–33.

Труды по россиеведению: сб. науч.тр. / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения. Вып. 6. М., 2016.

Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998.

Шепелева В. Б. Россия 1917–1920 гг.: проблема революционно-демократической альтернативы (вопросы теории, методологии, историографии): монография. Омск, 2009.

Шепелева В. Б. Проблема революционно-демократической альтернативы в России 1917–1920 гг. (вопросы теории, методологии, историографии): дисс... докт. ист. наук. Омск, 2012.

Шепелева В. Б. Инверсионная концепция Октября и нэпа и проблема революционно-демократической альтернативы // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: Сб. науч. тр. / под ред. О. В. Горбачева, Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2017. С. 30–39.

УДК 94(47).084.3/.084.6

О. Ю. Яценко

ФИЛОСОФИЯ РЕАЛИЗАЦИИ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ: СЛЕДОВАНИЕ ОБЪЕКТИВНОЙ ЛОГИКЕ РАЗВИТИЯ, ЛИБО ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ?

В статье рассматриваются идеологические принципы построения глобального общества в сравнении с историческим периодом 20–30-х гг., когда реализовывался «советский проект». Обращается внимание на проблемы глобализации, основные критерии которой были сформированы на модели «общества потребления» — идеологии экономического сообщества, противопоставленной социалистическим идеалам СССР. В процессе анализа обнаруживается общность исторической ситуации современности с периодом «советского проекта».

Ключевые слова: глобальное развитие, нэп, экономические методы, идеология, идеал, экономическая наука.

Современное состояние человечества описывается наукой преимущественно с позиции процессов глобализации. Под этими процессами чаще всего подразумеваются те экономические действия, которые

способствуют формированию единого экономического пространства, действующего по законам «свободного рынка», якобы дающего возможность равного доступа к ресурсам и технологиям большинства экономически действующих рациональных индивидов. Научное обоснование подобного подхода тяготеет к пониманию социальных процессов, рассматриваемых исключительно через призму экономических категорий, которые редуцируют социальные действия, имеющие объективный, многомерный и масштабный характер, к чисто экономическому, категориально и содержательно, описанию глобальной динамики. Это приводит к выведению из научного дискурса целого ряда вопросов, касающихся гуманитарных аспектов глобализации, ее связи с культурным контентом и специфики факторов глобализации, отличающих одни региональные объединения от других, делающие сам процесс нелинейным, диссипативным, подверженным флуктуациям и регрессу. Если принимать как объяснение лишь экономический категориальный аппарат, гуманитарные аспекты глобализации будут выглядеть схематизировано, как иррациональное и поддающееся анализу внеэкономическое проблемное поле, которое объяснить сами экономисты не в силах, либо они будут делать это, редуцируя объект к собственной понятийной базе, либо констатация наличия такого аспекта в изучаемом явлении будет полностью искажена и наполнена инородными смыслами. Еще одной опасностью «экономизации» подходов к описанию глобальных процессов является отсутствие у экономической науки единого, систематически и функционально взаимосвязанного понимания собственного предмета. Современная экономическая наука – это практически вольное собрание теорий, концепций и научных школ, которые чаще всего заняты рассмотрением отдельных аспектов экономической жизни общества – производственной, финансовой, потребительской, и т. п. И даже научные дисциплины, преподаваемые в высших учебных заведениях не ставят себе задачей (если только речь не идет об истории экономических учений) каким то образом объединить и составить у студента общее системное впечатление от экономики как целостного знания.

Тем более странно смотрится претензия на исследование глобальных явлений как чисто экономических, и представление конечной целью подобных процессов достижение такого уровня жизни глобального человечества, где все многообразие и специфика цивилизаций будет приведена к некому единому экономическому знаменателю.

Как считает И. М. Подзигун, «для того, чтобы дискуссии о глобализации и глобальных проблемах носили более действенный характер, необходим философско-методологический анализ того нового фактора мировой истории. Важно выяснить на системном уровне, что

является частным, преходящим в набирающем темп глобализационном процессе, а что отражает глубинные процессы и носит фундаментальный характер» [Подзигун, с. 4]. Философия, без сомнения, и должна стать тем объективно востребованным знанием, чье методологическое оснащение дает возможность наиболее полно и объективно исследовать глобализационные процессы, которые, для удобства уже сегодня классифицируются как экологические, демографические, энергетические, финансовые, информационные и др.

Современные подходы к пониманию общественного развития, к сожалению, все больше отходят от философско-методологического аппарата как инструмента эффективного, рационального осознания изучаемых феноменов. Переход к частнонаучной методологии отчасти оправдан целями и задачами дисциплин, в проблемном поле которых ставятся и решаются научные теоретические и экспериментальные задачи. Но отсутствие общего для всех, общенаучного и, тем более, метатеоретического подхода создает такую историческую коллизию, в которой замкнутость на собственный предмет и проблематику «разваливает» общенаучную картину мира, конструированием которой традиционно занималась философия. От этого страдает, *в первую очередь*, содержательность научной аналитики, которая, в лучшем случае, поднимается до высот индуктивного обобщения в рамках частнонаучного знания, но крайне редко способна на общенаучный системно-функциональный анализ, с выведением последствий полезности фиксируемого знания не только в рамках определенного раздела науки, но и выявлением ее эвристического потенциала для других научных дисциплин.

Во вторую очередь, научное сообщество не гарантировано от произвольной экстраполяции научных результатов в любую другую область знания, в том числе и в такую, чей предмет весьма далек от переносимой модели. Модель методологической организации знания, предложенная П. Фейерабендом, и получившая название «методологический анархизм» прочно обосновалась в экономической науке как предпочтительный способ получения знания [Фейерабэнд, с. 413]. Систематизирующая и методологическая функции философии, чьим багажом уже привычно широко и произвольно, без упоминания источника пользуются ученые-исследователи, замалчивается столь же систематически, сколь регулярно философские идеи выдаются за знания частнонаучных дисциплин.

Приведем небольшой отрывок из учебника «Экономическая социология» для наглядной иллюстрации отсутствия границ между частнонаучным и философским методами. «Что касается использования нами метода анализа структуры и динамики соотношения эконо-

мики и общества, то здесь мы придерживались взгляда, заложенного еще Г. Спенсером и продолженного Т. Парсонсом, согласно которому развитие системы описывается двумя категориями – дифференциацией и интеграцией. Сначала существует неразвитое единство подсистем социальной системы, затем они дифференцируются в отдельные подсистемы и каждая выполняет свою функцию, затем вновь интегрируются в отдельные подсистемы и каждая выполняет свою функцию, затем вновь интегрируются, но уже на ином качественном уровне. Экономика и общество в первоначальный момент едины, затем экономика выделяется из общества в отдельную подсистему, при этом в конечном итоге подчиняя себе все другие подсистемы и общество в целом (это капитализм), затем постепенно экономика вновь попадает под контроль общества. Для нас эта схема, разработанная в свое время еще К. Поланьи, является инструментом для анализа соотношения экономики и общества, а следовательно, и методом описания социальных типов хозяйства в экономической социологии» [Экономическая социология, с. 12].

Приведенный нами отрывок иллюстрирует эту тенденцию, когда закон *отрицания отрицания*, предложенный Г. Гегелем в XIX веке как универсальный закон диалектики, удивительным образом трансформируется экономической наукой в лице ее известных представителей в «схему Поланьи».

Методологический анархизм, предложенный П. Фейерабеном в середине XX в., стал наиболее востребованным способом получения знаний в науке, особенно это касается экономических знаний. Напомним, анархистский метод в науке имеет два аспекта: а) анархистский подход внутри самой науки; и б) проявление сциентистского анархизма в социальной жизни, где наука есть лишь одна из форм проявления идеологии, наряду с другими формами мировоззрения.

Сложившаяся в современной науке традиция применения любых методов для собственной отрасли знания, если они приводят к намеченному исследователем результату, берет начало из позитивистских и постпозитивистских методологических подходов, когда ключевым методологическим принципом научного познания является принцип «допустимо все». Это не только принцип развития научного знания, но и отражение такого состояния в теоретическом пространстве, когда имеется необходимость в реализации общественно значимой цели, но отсутствуют знания, теории и стратегические наработки по ее реализации. Отличие такой ситуации социального развития от «нормального» функционирования общества состоит в том, что независимо от наличия либо отсутствия плана реформ или революционных преобразований, методика проведения этих мероприятий при столкнове-

нии с реальностью может значительно измениться. Поэтому, говоря об изменениях в обществе (социальных, экономических, культурных), мы должны понимать, что, с одной стороны, они продиктованы внутренней логикой развития общества, и важно знать основные законы и принципы организации и развития общества вообще и этого конкретного общества. С другой стороны, рационально обоснованной, логически оправданной должна быть и деятельность субъектов – участников процесса реформ. Их знания, активность и целеустремленность во многом определяют не только наличие реформ, но и их положительный результат, соответствующий срокам, ресурсам и качеству намеченных преобразований.

Понимание того факта, что любое изменение должно быть обосновано, изложил еще П. Сорокин, уделявший должное внимание выбору методологических инструментов для социального преобразования. «Что касается метода исследования, то, как объясняется на нижеследующих страницах, он объединяет то, что я называю методом логико-смысловым, и метод причинно-функциональный. Это дает простор для логической мысли – обобщающей и аналитической – и вместе с тем проверяет соответствующими эмпирическими фактами правильность ее индуктивных выводов. Без логической мысли не может быть релевантного “факта”. Без релевантных фактов мы никогда не узнаем, какая из нескольких – самих по себе одинаково логичных – теорий соответствует фактам в большей степени и более удачно упорядочивает их чувственно воспринимаемый хаос в рационально постижимую систему. Чистое “открытие факта” бессмысленно, оно не приводит к значительным результатам. Чистая логическая спекуляция в социальных науках бесплодна» [Сорокин, с. 14].

Принципиальным изъяном экономических взглядов на развитие современного общества является отвлечение от культурологических и институциональных аспектов развития общества, если они напрямую не связаны с экономической жизнью общества.

Необходимость подкрепления экономических подходов анализа глобальных процессов гуманистическими элементами, адресующими научный поиск к социуму, чей уровень развития и культурного уклада во многом обеспечивают понимание научного дискурса. Процесс социализации экономического анализа чаще всего происходит при помощи политических и социологических понятий. Так, например, систематизация экономического знания может быть произведена при помощи понятия *идеология*. В экономике этот термин интерпретируется несколько иначе, чем в философии и других гуманитарных дисциплинах.

Идеологией в философии принято называть ту ее часть, которая модифицирует целостное философское учение, приспособляя его для

решения социальных задач в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Как правило, идеология опирается на философскую систему, имеет ярко выраженную политическую направленность и непосредственно служит инструментом для оценки, существующего положения дел, выбора соответствующих средств и планирования процессов, запускающих социальные перемены. В ситуации контроля за объективным состоянием общества идеология является целеполагающим фактором проведения социальных (в широком смысле этого слова) реформ. Если же объективность оценивается неверно, либо не существует инструментов, способных ее изменить в соответствии с имеющимся планом, либо не ясна сама цель изменений социума, – в этих ситуациях идеология становится инструментом кардинального, стремительного и качественно нового изменения (скачка), которое происходит в ситуации социальной революции (в широком смысле этого понятия). Идеологический компонент социальной жизни не материален, его трудно описать в конкретных экономических категориях, однако, он оказывает весьма существенное влияние на сами экономические процессы, структуру экономической деятельности и конкретного экономического субъекта. Включенность в социальный контекст самого «человека экономического» позволяет обнаружить влияние нематериального идеологического фактора. Как об этом пишет К. Полани: «...материальные средства удовлетворения наших потребностей делает экономическими благами не их “материальность”, а их оценка людьми. Их отношение к имеющейся системе потребностей важнее, чем субстанция, из которой они состоят» [Polanyi].

Можно рассмотреть идеологический принцип построения «глобального сообщества» как определенный катализатор процесса глобализации, работающий особым образом. Он позволяет не только обобществлять экономические технологии процессы глобального развития, имеющие региональные и национальные (а также конфессиональные и культурные) особенности, но и специфическую цель универсализации понимания общественных стандартов. То есть способствует формированию такого общественного идеала, преобладающим типом которого становится идеология единственного общества – общества потребления.

Экономическая наука использует понятие идеал как цель, поставив которую общество, группа, отдельный экономический субъект должны найти способы ее реализации. Поскольку экономические цели относятся к области хозяйственной деятельности, на их основе формируется экономическая идеология. Если в качестве экономического объекта, который должен быть изменен в соответствии с идеалом, рассматривать общество, то степень эффективности решения поставлен-

ной задачи будет также зависеть от культуры. Поэтому хозяйственная идеология всегда связана со спецификой культурного пространства, формирующего субъекта экономической деятельности, его менталитета и ценностных предпочтений. Если идеологическая программа предлагается или навязывается обществу извне, то ее реализация будет зависеть от того, насколько органично идея вписывается в культурный контекст общества, созвучна его потребностям и целям.

Итак, приведем определение, используемое экономической наукой: *Идеология – это обоснованная через определенную парадигму система идей.* Хозяйственная идеология включает познавательные, нормативные и символические элементы, образующие системное воздействие на экономику. Она предполагает:

- 1) целостное описание хозяйственной системы;
- 2) определение ценностей и общественно-экономического идеала;
- 3) способы преобразования существующей экономической культуры.

Выделяют четыре крайних типа хозяйственной идеологии: консерватизм, либерализм, демократизм и социализм. Каждая идеологическая система декларирует свои ценности [Асадов, Забродин, Прозоровская, с. 37–38].

Социалистическая идеология, как исторический опыт нашей страны на протяжении нескольких поколений, послужит нам иллюстративным материалом в попытке дать ответ на вопрос: *Каким образом возможно взаимодействие логической, планируемой реализации принципиально новой, не имеющей аналогов и образцов модели социалистического общественного уклада и достижения поставленной на уровне государственного управления цели индустриализации страны, преодоления многоукладности, закладки фундамента социалистического общественного устройства?*

Интерпретируя термин «идеология» применительно не только к экономической, но и ко всей социальной жизни, мы должны напомнить, что идеологические ценностные ориентиры проводятся в общество, формируя общественное сознание, а следом за ним и социо-экономическое поведение; так вот они проводятся в жизнь общества при помощи ряда социальных институтов: государства, образования, общественно-политических институтов. Также инструментом реализации идеологических целей необходимо является управление обществом в лице государственных и общественных систем. Рассмотрим применение идеологического фактора в истории нашей страны, а именно, период перехода к индустриальному экономическому укладу в 20-е – 30-е годы XX века.

Ранний этап становления советского общества и строительства советского государства представляется интересным еще и потому, что

коммунистическое общество, которое должно было возникнуть на руинах огромной Российской империи было задачей, реализация которой никогда до этого не осуществлялась в истории человечества: ни по масштабам задуманного, ни по скорости и стремительности, с которой советское государство планировало достигнуть поставленной цели. А между тем, помимо собственно экономических, политических и социальных задач, которые были продиктованы общей исторической ситуацией – выход из мировой войны и вхождение в гражданскую, формирование нового принципа территориальной организации и нового типа политической власти, декларация принципа равноправия и братского единства, – нужно было реализовать и строительство промышленного экономического фундамента, который в теории должен был остаться после предшествующего, капиталистического этапа социального развития. Все это делало необходимостью создание функциональных инструментов передачи материальных ресурсов пришедшему во власть пролетариату в лице его идейных представителей; формирование органов защиты и охраны новых собственников в виде армии и милиции; выход на дипломатическую арену для продвижения интересов первого социалистического государства; развитие системы образования – от уровня начальной, средней и высшей школы до курсов переподготовки управленческих кадров всех уровней. Все эти задачи на первый взгляд имели ситуативную логику развития: они выполнялись буквально и системно там и тогда, где имелись соответствующие постановления пленумов и съездов партии (ВКП (б)). В тех случаях, когда речь шла о планах развития социальных проектов, реализация которых была менее актуальной и имела более отдаленную перспективу, в качестве философского обоснования реформ и реорганизаций могла выступать не только марксистская философия. Поэтому в первых проектах Советской власти (План ГОЭЛРО, создание Наркомпроса) приняли участие П. А. Флоренский, А. В. Луначарский, активно помогали строительству новых общественных институтов писатели М. Горький, В. Маяковский и другие представители русской интеллигенции, философы и ученые.

Экономическая составляющая экспертного сообщества была представлена такими известными именами как российские экономисты А. В. Чаянов, Н. Д. Кондратьев, А. А. Богданов, В. А. Базаров, Г. А. Фельдман, Г. Я. Сокольников, А. М. Гинзбург, Л. Б и Е. Е. Слуцкие, Е. А. Преображенский, В. Г. Громан и др.

Вопрос решения поставленной задачи – в сжатые сроки кардинально сменить общественный уклад, оставшийся со времен Российской империи, решался экономистами отнюдь не по социалистическим лекалам (которых, как практического плана, также не было в наличии),

а исходя из логики развития экономики европейских стран, которые несколько раньше построили индустриальные общества. Поэтому первой задачей было изыскание материальных и финансовых ресурсов для строительства заводов и электрических станций, железнодорожных и транспортных путей, учреждений образования и здравоохранения. Одновременно необходимо было решить задачу подготовки кадров для промышленности, начиная от квалифицированных рабочих и заканчивая руководителями производств и государственными служащими. Высокий темп индустриализации, помимо энтузиазма ее участников, подкреплялся политической линией руководства, которая прописывалась в решениях пленумов (съездов) и становилась директивной, обязательной к исполнению. На местах ответственность за реализацию поставленных задач несли региональные и местные власти.

Когда мы говорим о значении идеологии в жизни общества и ее влиянии на экономическую сферу, то должны понимать, что одним из аспектов идеологии является национальный вопрос, и здесь мы можем проследить исторические примеры того, как идея объединяла и помогала осуществить значительные технологические прорывы, хотя, казалось бы, к тому не было предпосылок ни в экономическом укладе, ни в общественной традиции [Яценко, с. 80–87]. В РСФСР на протяжении короткого исторического периода была осуществлен переход от устаревшего, с элементами феодализма экономического уклада к передовому на то время индустриальному экономическому обществу. Как такому скачку способствовала идеология?

Во-первых, сама идея строительства социалистического общества была не только целью, поставленной и разделяемой политической властью – она была понятна большинству жителей страны.

Во-вторых, прошедшие трагические события Первой мировой и Гражданской войн не оставили иллюзий по поводу негативного отношения европейского буржуазного сообщества как к самой Российской империи, так и к советской власти, которая стала следующим политическим правителем в стране. И хотя партия большевиков не была преемницей идеологии, органичной для периода имперского правления, социальные реалии страны (имевшей многонациональное, многоконфессиональное население, многоукладность экономики, сложность и т. д.) поставили логику ее управления в строгие рамки.

В-третьих, парадоксально в сложившейся исторической ситуации то обстоятельство, что идеи социализма, принесенные марксистской идеологией в Россию, имели иностранное, европейское происхождение. Поэтому идея справедливо устроенного социального общества, разрабатывавшаяся для европейских стран, неожиданно получила шанс на реализацию в обществе, где критерии объективного

поступательного развития капиталистического общественного уклада были изменены. Но задачи экономического, социального, культурного строительства общества нового типа были успешно осуществлены – в основном, благодаря политической воле и государственному подходу к реализации принципа социальной справедливости в обществе новой формации. Как говорил П. Сорокин, разные коммунистические партии по всему миру показали максимум изменчивости своих тактик, никогда при этом не меняя своей стратегии, нацеленной на достижение желаемой цели. В 1920-е и 1930-е гг. он чувствовал, что лучший путь противодействия распространению философии коммунизма – встретить ее в лоб и контратаковать так, чтобы свести на нет эффективность коммунистических целей [Дойков, с. 419].

«Советский проект» практически с самого момента своего появления был постоянно атакован имеющимися у внешних игроков экономическими, политическими, идеологическими инструментами. Особого снимания заслуживает критика научного западноевропейского и американского сообщества, которая велась не только с позиций экспертной оценки и признания «несостоятельности» строительства общества нового типа. В процессе этой научной критики были предложены модель альтернативного развития общества как экономически состоявшегося образования, способного предоставить своему гражданину весь спектр экономически востребованных товаров и услуг.

Именно как альтернатива индустриализации вкупе с другими социальными проектами СССР на Западе формируется идея «общества потребления» – в нем индивид имеет возможность реализовать любые потребности за счет приобретения товаров и услуг, производством которых занимается экономика. Проблемой такого общества, возникающего как конкурентное социалистическому проекту, становится тот факт, что часть жизненно важных потребностей монетизируется и постепенно становится труднодоступной для большинства населения. Образование и медицина, жилищная проблема – все это в экономиках западной модели становится менее доступным для большинства граждан. Те, кто обладает возможностью получать эти блага, также находятся в зоне риска – любой выставленный сверх страховки медицинский счет, либо судебное разбирательство могут существенно сократить накопления, потеря рабочего места практически сразу делает человека банкротом. Такое положение дел варьируется на протяжении длительного времени – ситуация улучшается в периоды экономического подъема, но в периоды спада деловой активности становится хуже предыдущих спадов, охватывая все большие по численности и масштабу социальные группы.

В процессе перехода от плановой к рыночной экономике Россия в качестве образца для подражания использовала как раз эту запад-

ную модель «общества потребления» и на то были объективные причины – рынок потребительских товаров и услуг был катастрофически недофинансирован и неразвит – дефицит товаров народного потребления и продуктов должен был быть восполнен в краткосрочной перспективе за счет формирования внутреннего рынка производства данного вида товаров. Но раньше, чем был создан этот рынок, его место лавинообразно стали заполнять товары иностранных производителей. Количественно они задушили возможности роста внутреннего рынка, создав дополнительно проблему нехватки рабочих мест.

Некоторые социальные процессы и явления, возникшие в результате осуществления экономических реформ или мешающие их проведению, имели и имеют негативный оттенок. Преодоление негативных тенденций будет способствовать модернизации России, становлению ее как страны с развитой рыночной экономикой и с комфортной социальной сферой [Асадов, Забродин, Прозоровская, с. 113].

Однако, пожалуй, самым распространенным является миф о глобализации как о беспрецедентной интеграции национальных государств и экономик на основе развития новых информационных технологий и становления «глобального информационного общества» [Экономическая социология, с. 346–347].

Можно рассматривать идеологический принцип построения «глобального сообщества» как определенный катализатор процесса глобализации, работающий особым образом. Он позволяет не только обобществлять технологии, процессы глобального развития, имеющие региональные и национальные (а также конфессиональные и культурные) особенности, но и формировать специфическую цель универсализации понимания общественных стандартов. То происходит формирование такого общественного идеала, преобладающим типом которого становится идеология единственного общества – общества потребления.

Современная Россия активно включена в процесс глобализации [Социальное управление в России, с. 173–177]. Это означает, что всякое знание о социальной истории, социальной реальности, осмысление исторического опыта должно быть направлено на то, чтобы избежать ошибок, извлечь необходимые уроки из прошлого.

Асадов А. Н., Забродин В. Ю., Прозоровская К. А. Основы экономической социологии: учебн. пособие. СПб., 2005.

Дойков Ю. В. «Мы должны переварить тоталитаризм и достичь мира...» (Из досье ФБР на П. А. Сорокина. 1954 г.) // Питирим Александрович Сорокин / под. ред. В. В. Сапова. М., 2013. С. 416–426.

Подзигун И. М. Глобализация и глобальные проблемы: философско-методологический анализ. М., 2003.

Сорокин Питирим. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ., комментарии и статья В. В. Сапова. СПб., 2000.

Социальное управление в России в условиях глобализации: монография / под общ. ред. М. Ю. Захарова. М., 2013.

Фейерабенд П. Против метода: очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А. Л. Никифорова. М., 2007.

Экономическая социология: учебник / под ред. Ю. В. Веселова. М., 2013.

Яценко О. Ю. Национальный вопрос в философии русского марксизма // Проблема национальности в русской философии: монография. М., 2016. С. 80–87.

Polanyi K. The Economy as Instituted Process (1957) // The Sociology of Economic Life / ed. by M. Granovetter and R. Svedberg. Westview Press, Inc, 1992. P. 29–53.

УДК 94(47).084

Н. М. Байбатырова

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК В ПУБЛИЦИСТИКЕ АВТОРОВ «ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ» РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Статья посвящена анализу публицистических работ представителей эмиграции «третьей волны», главным предметом изучения которых становится советская система и советский человек как продукт этой системы. Автор рассматривает разнообразие политических оценок, содержащихся в публицистических трудах лидеров третьей русской эмиграции, осмысливает их вклад в развитие отечественной социально-политической мысли.

Ключевые слова: Советский Союз, советский человек, эмиграция, «третья волна», русское зарубежье, публицистика.

Представители творческой интеллигенции, эмигрировавшие из Советской России после 1970-х гг., продолжали живо интересоваться советской идеологией, наблюдая со стороны за трансформациями советского общества. Их литературные и публицистические произведения, а также статьи и интервью в эмигрантской и западной прессе часто затрагивали вопросы внешней и внутренней политики покинутого СССР,

© Байбатырова Н. М., 2018